

Ах, зима! Столбовая боярышня!
Щеголиха, каких поискать.
Нищета поздней осени давешней
И сиротство тебе не под стать.

Жемчугами корона украшена.
Самоцветы на шее горят.
Ты носи-ка, носи-не изнашивай
Свой волшебный ношебный наряд.

Ты цари-ка, цари-не истаивай,
Всех сияньем вогнавшая в дрожь!..
Пусть под шубой твоей горностаевой
Прорастает озимая рожь.

Шей по синему млечными тучками,
Ограняй бриллианты в горсти
И холеными белыми ручками
Хрустали через реки мости.

Ах, не верю, не верю, не верю я,
Глядя сквозь кружева на окне,
Что твоя ледяная империя
Вдруг растает, как снег по весне.

Ох, неужто же, всеми заброшена,
Побредешь по овражьям, боса,
Прикрываясь обносками роскоши
И сумой переметной тряся?..

«О, подайте, подайте, подайте ей! —
Усмехнется всяк встречный ручей,
Под твоей горностаевой мантией
Все ж дождавшийся вешних лучей.

* * *

Он вел их молча по былинным,
По диким муромским лесам —
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.

Вел, обходя в пути святыни,
Не тратя понапрасну слов,
Духовно-ядерной твердыни,
Что называется Саров.

Он вел их, Китеж огибая
И светлый болдинский приют...
Знать, на Руси судьба такая,
Что первыми героев бьют.

В пути не раз им повстречался
Шальной разбойник-соловей.
Вослед ведомым так смеялся,
Что листья сыпались с ветвей.

Вел, обходя Урал и Волгу,
Хоть их никак не обогнуть...
Во временах-пространствах долгий —
Единственно возможный путь!

И мысль одна терзала сердце,
Ведомым вовсе не в укор —
Как миновать в пути Освенцим,
И Саласпилс, и Собибор?..

...А дальше, братья-ляхи, сами.
Эх, ни покрышки вам, ни дна...
«Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин —
Варшава-матушка видна!..»

* * *

*Чудище обло, озорно, огромно,
стоозевно и лаяй...*

Василий Тредиаковский

Распилы-откаты. Откаты-распилы.
И это, ребята, не лесоповал.
Чиновная шобла почуяла силу
И нас превратила в доходный товар.

А, впрочем, стозевное чудище обло,
О коем еще Тредьяковский писал,
Себя почитает нисколько не шоблой,
А — солью земли и началом начал.

От веку всегда при чинах и в законе.
Ее не касается смутная хмарь.
Стальной ли генсек восседает на троне,
Сусально-елейный помазанник-царь.

Будь имя ее не помянуто все.
Осыплет себя мишурою наград
И так венценосца искусно танцует,
Что сам, бедолага, порою не рад.

Забавно, что так прозаично-неброско —
Без гнева, патетики, пафосных слов —
Похожий на стеб неформала-подростка,
Звучит мой проворный стишок про воров.

Бюджет распилили проворно и ловко,
И не презирая презренный металл...
Знать, самое время с державной сноровкой
В Сибири осваивать лесоповал.

* * *

Мир озарен прощальной улыбкой
Ультрамарина, что целует просинь.
Кармином, охрой, киноварью пылкой
Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
Что сходятся в лесах стеной на стенку.
Но никакого нет противоречья
В прощальном буйстве красок и оттенков.

И так щедра осенняя палитра
Волшебного аксаковского слова,
Что как тут обойдешься без пол-литра...
Дождя животворящего грибного?

* * *

Не в Москву, не в Мадрид, не в Лютецию...
Досмотрев снеговейные сны,
Оренбург превратился в Венецию
Мановеньем царевны-весны.

Погрозила царевична пальчиком.
А на пальчике том — изумруд.
Матом кроют весну коммунальщики
И с сугробами битву ведут.

Оренбургская лужица каждая
Океаном себя нынче мнит.
Разлеглась под ногами, вальяжная...
Разъедрит и Москву, и Мадрид!

Всех царевна-весна подытожила,
Утопила в воде, как котят...
Чертыхаются хмуро прохожие —
Гондольерами быть не хотят!

Что вы ходите мрачными тучами,
Позабыв про наследье отцов —
Ободритов, дреговичей, лютичей —
Основателей всех городов?

Наши предки-венеды Венецию
Основали — им все нипочем!
Ну, а лютичи город Лютецию —
Ту, что ныне Парижем зовем.

Мы в России жнецы и старатели.
Мы швецы, на дуде игрецы...
Засмурнели зачем, созидатели?
Приуныли почто, стервецы?

Ну подумашь — Швеция, Греция!..
Не грустите, ведь жизнь удалась.
Распахните окошки в Венецию,
Не теряя с Отечеством связь.

* * *

Соратник, друг, товарищ, враг
Парадоксально рады встрече.
Наш поэтический сродняк —
Содружество противоречий.

Хоть назовут потомки «съезд»
Товарищей заклятых стаю,
Здесь никого никто не съест:
Поэт поэта понимает.

Грустим, хохочем, пьем вино,
Витийствуем, исходим желчью...

Мы все равны. Нам все равно —
Хотим утешиться, да нечем!

Не каждый тут друг другу мил,
Но держим небо, как атланты:
Посильно каждый — в меру сил
И в силу своего таланта.

И в том, кто сердцем изнемог,
И в том, кто пребывает в вере,
Одновременно, видит Бог,
Живут и Моцарт, и Сальери.